

Л.И. Сараскина

ПУШИСТЫЕ И КОГТИСТЫЕ КОМПАНЬОНЫ ЧЕЛОВЕКА У ДОСТОЕВСКОГО

*«Всё мне кажется, что я только что собираюсь жить.
Смешно, не правда ли? Кошечья живучесть!..»*
(Ф.М. Достоевский — А.Е. Врангелю)¹

Кошки как создания — седьмое доказательство бытия Бога и Его любви к человеку. Создатель захотел подарить ему такого компаньона, такого товарища, весом и величиной с младенца, точно под размер, приемлемый для человека, чтобы радостно и безбоязненно держать пушистое тельце на руках, укладывать на коленях или прижимать к груди; существо, которое годами может жить без своих сородичей, предпочитая им общество родных людей, голос которых знает, запах которых безошибочно чувствует — и так дивно выражает им свою нежность и благодарность, с таким космическим мурлыканьем и магическим лечебным воздействием...

Идея доклада о котах и кошках в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского возникла из летучего диалога коллег ВКонтакте, из которого я поняла, что пушистые и когтистые персонажи литературного или мемуарного текста, как правило, остаются незамеченными и при беглом, и при медленном, и даже при профессиональном чтении. Для того чтобы разглядеть живое кошачье присутствие в художественных сочинениях, нужен специальный взгляд, то есть взгляд любящий, который привык фиксировать мгновения экзистенциального кошачьего бытия всегда и везде. Только в этом случае читательская «охота» на мяукающие существа принесет свои плоды. Ведь они — если только это не герои и героини первого плана, такие, как булгаковский Кот Бегемот, или гофмановский Кот Мурр, или сказочный Кот в сапогах, или мультяшный Кот Леопольд — имеют обыкновение сливаться со средой обитания и быть невидимыми стороннему и равнодушному глазу. Теневые фигуры, массовка.

Сомнения коллег в наличии у Ф.М. Достоевского — с его бесподобной *кошечьей живучестью* — интереса ко всей полноте и уникальности существования котов и кошек и подвигли меня провести первичную перепись их населения.

1

Мне, кошатнице с большим стажем (одна из моих кошек прожила рекордные 20 лет*), всегда было очевидно, что мир Достоевского густо населен

* 11 ноября 2011 года, в день рождения Ф.М. Достоевского (190 лет), мне посчастливилось быть гостьей в доме Д.А. Достоевского в Петербурге и познакомиться с его старшим котом, 24-летним красавцем-долгожителем Андреем. Это крупное породистое существо светло-серого тигрового окраса исполнено приветливого интереса и к домочадцам, и к новым лицам. Гладкая шерсть, которая не утратила своей шелковистости; незамутненные, в сущности молодые глаза; упругая, пластичная, почти неслышная походка; мудрое достоинство, которое сквозит во всем его облике; спокойное дружелюбие, с которым он взирает и на годовалого малыша Федю Достоевского, и на своего дружка — 12-летнего пушистого черноватого кота Гуталина... Кажется, кот-долгожитель знает, какую фамилию носят его хозяева...

пушистыми и когтистыми. Однако кого могут убедить голословные утверждения? Демографический анализ немыслим без статистики — и потому, в целях строго научных, из всего массива текстов Полного собрания сочинений и писем Ф.М. Достоевского, «Воспоминаний» А.Г. Достоевской и ее «Дневника 1867 года» мной были извлечены и проанализированы слова: *кошка, кот, котёнок, кошечка*, употребляемые во всех падежах единственного и множественного числа, а также производные от них. Результаты анализа были перепроверены по электронной версии Полного собрания сочинений.

Уже самые первые наблюдения над текстами полностью подтвердили предположение о плотной заселенности их пушистыми и когтистыми. Оказалось, к тому же, что Достоевский отчетливо различает кошачьи особи по признакам пола; при этом коты, как правило, именуется Васьками и — ласково — Васиканчиками, а кошки — Машами и Машками.

Имеет смысл разделить выявленное пушистое население на группы:

— реальные коты и кошки, которых мог видеть Достоевский в своей жизни;

— коты и кошки — персонажи произведений Достоевского;

— коты и кошки как метафора или сравнение;

— коты и кошки — как персонажи поговорок и пословиц.

У Достоевского никогда не было своих котов или кошек — таких, которые бы постоянно жили при нем, признавали его хозяином, любили устраиваться у него на коленях и запрыгивать к нему на письменный стол, то есть были бы его товарищами и компаньонами. Почему? Потому что автору «Братьев Карамазовых» так и не довелось иметь своего городского жилья: ни когда в Петербурге молодым человеком он нанимал (и постоянно менял) комнаты; ни когда проживал в семипалатинской ссылке в съемном помещении; ни когда временно поселился с женой в Твери в дешевой мебелированной квартире, где в ожидании полной амнистии четыре месяца сидел на чемоданах; ни в столице, где ему пожизненно суждена была чехарда чужих квартир. До самой своей кончины у Достоевского не было своего угла — а ведь наличие питомца в съемном жилье потребовало бы непременно разрешения хозяев, с которыми и без домашней живности всё всегда было не просто...

Бывало так, что, перебираясь летом на дачу или уезжая за границу, Достоевские отказывались от обжитой городской квартиры, чтобы не оплачивать ее в «пустые» месяцы, или пускали в нее временных жильцов. До кошек ли тут? Домашнего питомца нельзя оставлять надолго одного или на попечении чужих людей — он одичает, нельзя выбрасывать на улицу — он погибнет.

Однако не имея близких кошачьих существ, Достоевский, с его зорким художническим взглядом, всегда их замечал и запоминал.

«Мне хочется сделать одно сравнение по вопросу о полезной общественной деятельности, — говорит персонаж полемической «Статьи со свистом» Николай Филиппович (имелся в виду писатель Н.Ф. Павлов). — В

нашем детстве, я думаю, мы все любили играть с котятками. Если привязать бумажку к ниточке и дергать ее перед котенком, он начинает ловить ее. Потом раздражается, увлекается игрой и наконец совершенно принимает ее за настоящую мышшь, ловит ее, грызет, теребит лапками. Вот точно так же бывает и с нами по поводу этой общественной пользы» (20; 42).

Несомненно: это «мы все», которые любили играть с котятками в «нашем детстве», включает и автора статьи. Писательский дар разгадывать человеческие характеры распространяется и на домашних животных: люди, как и кошки, увлекаются игрой (заигрываются) до такой степени, что игрушка воспринимается как настоящая мышшь. Запомним этот образ.

Достоевский обращал внимание и на домашних зверушек своих приятелей. «Поклонитесь от меня всем общим нашим знакомым, — пишет он Н.Н. Страхову 26 июня (8 июля) 1862 года из Парижа. — Как ведет себя Ваш неблаговоспитанный кот?» (28/2; 28). Биографы Страхова могли бы пролить свет на личность кота, которого упоминает Достоевский в одном ряду с «общими знакомыми»: что-то, по-видимому, было особенное, экстраординарное в кошачьей невоспитанности, если она стала предметом эпистолярного обсуждения. (Менее чем через месяц Достоевский и Страхов встретились в Женеве и, должно быть, смогли вдоволь поговорить о негоднике-коте.)

Курьезный случай из первых месяцев своего заграничного бытия записала в дневнике А.Г. Достоевская. Октябрь 1867 года. Супруги проживают в Женеве, столуются в городских кофейнях и дешевых ресторанах. Вот один из обедов: «Был суп с яйцом, ужасное кушанье, которое я терпеть не могу, были пирожки с телячьими ножками, очень холодные, тоже нехорошие, было третье какое-то кушанье, не знаю, заяц ли это или что другое, но в таком вонючем соусе, что я решительно даже поднести ко рту не могла. Федя, однако, ел, хотя очень морщился... Когда мы вышли на улицу, Федя начал меня уверять, что третье кушанье в бараньем соусе было не что иное, как кошка, и что он чем больше ел, тем более уверялся, что это была кошка, но отстать не мог, потому что был голоден. Тут мы пели песню: “Бедный Федя, кошку съел”»².

Знатоки утверждают, что мясо кролика и зайца по вкусу напоминает кошачье мясо. Во всяком случае кошки первыми исчезают с улиц городов, когда наступает голод. Только сильно проголодавшись, Достоевский «не смог отстать» от «крольчатины» или «зайчатины», однако подозрение, что ресторан угощает клиентов кошачьим мясом, крайне шокировало его: кошки — питомцы и любимцы, а не корм для людей в мирное время (если только они не китайцы). «Вечером, — записала в сентябре 1867 года А.Г. Достоевская, — к нам забежала кошка нашей старушки, превосходная белая кошка, ангорская, с белым пушистым хвостом, когда мадам ее выгоняла, то она мяукала à vilaine*, это ее любимица, а разве может какая старушка обойтись без кошки?»³

Ф.М. Достоевский — если судить по его сочинениям — мог бы здесь возразить своей 20-летней жене: привязанность к кошкам не связана ни с

* Как дикая (фр.).

возрастом, ни с полом человека, а только с его глубокой внутренней потребностью любить и заботиться «просто так», «ни за что», не ожидая ответной благодарности. И только совсем молодой человек, в сущности, юноша (у Достоевского он вообще назван подростком), по своей человеческой неопытности полагает, что кошек любят только люди обездоленные, главным образом, одинокие женщины. Вот как, находясь в настроении драчливом и «ничтожном», двадцатилетний Аркадий Долгорукий (ровесник А.Г. Достоевской времен «Дневника»), описывает кухарку своей так называемой тетушки: «Это была злобная и курносая чухонка и, кажется, ненавидевшая свою хозяйку, Татьяну Павловну, а та, напротив, расстаться с ней не могла по какому-то пристрастию, вроде как у старых дев к старым мокроносым моськам или вечно спящим кошкам» (13; 125–126).

Образ «вечно спящих кошек», одолженный Достоевским молодому герою, делает честь его художественной наблюдательности. Но откуда было ему знать, что кошка действительно спит две трети своей жизни? Она стережет, ловит, созерцает, играет, ест, спит, дремлет и ей совершенно незачем делать что-то еще.

2

Домашние коты и кошки — неизменный атрибут быта; они входят в перечни движимого имущества своих хозяев, наряду с канарейками, попугаями, собаками, коровами, курами, утками, лошадьми. «Маменька... доказывала, что имения его (Егора Ильича Ростанева. — *Л.С.*), двухсот пятидесяти душ, и без того едва достаточно на содержание его семейства (то есть на содержание его маменьки, со всем ее штабом приживалок, мосек, шпицев, китайских кошек и проч.)» (3; 6). Странно, однако, встретить у генеральши Крахоткиной среди вполне заурядных мосек и шпицев китайскую кошку — существо асоциальное, неприручаемое, живущее, как правило, среди дикой природы, на склонах гор или в зарослях кустарников. Китайская кошка, обитающая в барском имении села Степанчикова, кажется вполне подходящей компанией только для честолюбивого тирана и деспота Фомы Фомича Опискина, которого тоже в конце концов удастся приручить и привести к общему знаменателю — так же как и пресловутую *felis bieti*.

С внимательным интересом прочитаем фрагмент рассказа «Чужая жена и муж под кроватью».

«Под кроватью последовала легкая борьба, и Иван Андреевич умолк.

— Душенька! что-то здесь как будто коты шепчутся?

— Какие коты? Чего вы не выдумаете?

Очевидно, что супруга не знала, о чем разговаривать с своим мужем. Она была так поражена, что еще не могла опомниться. Теперь же она вздрогнула и подняла ушки.

— Какие коты?

— Коты, душенька. Я намерен прихожу, сидит Васька у меня в кабинете, шю-шю-шю! и шепчет. Я ему: что ты, Васенька? а он опять: шю-шю-шю! И так

как будто всё шепчет. Я и думаю: ах, отцы мои! уж не о смерти ли он мне нашептывает?» (2; 69).

Кота Васеньку читатель так и не увидит: он персонаж внесценический. На него — как на отсутствующего — взвалит напраслину, заподозрят в темных и грязных делишках. «Что это, душечка, Амишка всё лаает?.. Там, верно, мыши, или кот Васька сидит. То-то я слышу, что всё чихает, всё чихает.. А ведь у Васьки-то сегодня насморк» (2; 75), — говорит законный хозяин кровати, под которой залегли два непрошенных гостя.

События рассказа о нелепом ревнивце-муже, который в поисках ветреной жены попадает в чужую квартиру и под чужую кровать, вращаются тем не менее вокруг ни в чем не повинного Васьки. Кота несправедливо обвинят в гибели песика Амишки, любимца хозяйки, случайно придушенного под кроватью одним из гостей. «Не может быть, чтобы Васька там съел его. Нужно высечь Ваську, мой друг; его, плута, уж целый месяц не секли. Как ты думаешь? Я посоветуюсь завтра с Прасковьей Захарьевной» (2; 76). Но даже когда истинный злодей, подкраватный ревнивец, будет изобличен, хозяин останется в тех же мыслях: «Я вот Васьки-кота всё не отыщу. Не встречались ли вы с ним, когда под кроватью сидели?

— Нет, не встречался, ваше превосходительство; впрочем, очень рад познакомиться. И почту за большую честь...

— У него теперь насморк, и всё чихает, всё чихает! Его надо высечь!

— Да, ваше превосходительство, конечно; исправительные наказания необходимы с домашними животными.

— Что?

— Я говорю, что исправительные наказания, ваше превосходительство, необходимы для водворения покорности в домашних животных» (2; 80).

Какой, однако, богатый подтекст. Кот, конечно же, совершенно ни при чем: измученный ревностью муж мечтает только о водворении покорности у своей неверной жены... Кот же нуждается только в любви и ласке.

Людам, однако, свойственно сваливать на бессловесных и безответных тварей свои грехи и провинности. «А намедни, что чашку разбила и попрекать изволили, так это не я, — оправдывается кухарка Мавра в повести «Слабое сердце», — это кошка Машка разбила, а я не догляди за ней; брысь, говорю, проклятая!» (2; 41).

Но еще занятнее, когда коты и кошки выведены на авансцену и показаны как бы изнутри своей жизни. Как лихо изображают они своих хозяев, как умело подражают им! Достоевскому, редактору журнала «Время», часто приходилось, читая и рецензируя текущую литературу, изнывать от скуки. «Беспрестанные переливания из пустого в пустое, частые повторения одного и того же заставляли нас иногда зевать, и широко зевать, но вдруг явится какой-нибудь кот или ворона какая-нибудь, и зевота унималась, — признавался рецензент. — Кого не рассмешит и еще более не порадует вот хоть такое место:

— «Кот выполз из-под печки. Кошурка, супруга его, спросонья говорит:

— Куда ты, Васиканчик?

— Да хочу выйти, посмотреть на хозяев: жалованье, говорят, получили...

— Да тебе-то что? Разве ты чиновник? Ведь не ты получил?

— Аа, нет, все-таки приятно...

— Ну, уж большое жалованье 12 рублей... не разгуляешься...

— Нет, ничего: если всё донесешь домой, так ничего, можно жить... Если б мне столько дали!.. я сумел бы распорядиться, черт возьми!

— Ну, да, — заметила кошурка, — знаю, что бы ты сделал: завел сейчас мамзель... Свинья...» (27; 152).

Но далеко не все сюжеты, связанные с котами и кошками, радуют и смешат писателя. «Петербургские сновидения в стихах и прозе» повествуют о некоем отставном чиновнике, новом Гарпагоне, умершем в грязном углу, в отвратительной *видимой* бедности, на грудах золота. Фантазия Достоевского («и вот передо мной нарисовался образ...») создает зловещую фигуру. «Он держал было сначала у себя, в заплесневелой квартире своей, со стенами под желтой краской, кухарку и кошку; кухарка была глупа, но честная от глупости. А он всё ее бранил и корил; ел картофель, пил цикорий, — и поил им кухарку, безответную и послушную. Мясо покупал он только для кошки, в месяц по фунту, и она от этого страшно мяукала, и когда мяукала и жалобно смотрела в его глаза, прося говядинки, и терлась около него, подняв хвост строкою, он гладил ее, называл ее Машей, а говядинки все-таки не давал. Всё богатство его состояло в стенных часах, с гирями на веревках, и от нечего делать он посматривал на эти часы, как будто интересуясь, который час. Но околела кошка» (19; 74).

Безумный скупой старик, трясшийся над своим богатством, найденным у него после смерти, становится палачом несчастной кошки. Страшная пытка откуда-то была хорошо известна Достоевскому: кормить кошку вкусной свежей говядинкой, но в крошечных порциях. Самая миниатюрная кошка-малоежка съедает в день минимум 150 граммов мясной еды. Фунт мяса в месяц, то есть около 15 граммов в день — это один крохотный кусочек мяса, рацион ежедневного питания, в десять раз меньше необходимого. Люди в пыточных тюрьмах от таких истязаний сходили с ума, умирая от истощения среди соблазнительных запахов вожденной еды. Кошка, ласкаемая хозяином, называемая по имени, не получая еды, страшно мяукала! Живя в вечной муке, она погибала от голода и недоумения.

Какой-то тяжелый, неисправимый нравственный ущерб есть в людях и в детях, способных мучить и губить кошек. Печатью такого ущерба отмечен Павел Смердяков, четвертый — незаконный — брат семейства Карамазовых, родившийся, как говорит ему его воспитатель, «из банной мокроты» и выросший диким, нелюдимым и «безо всякой благодарности». «В детстве он очень любил вешать кошек и потом хоронить их с церемонией. Он надевал для этого простыню, что составляло в роде как бы ризы, и пел и махал чем-нибудь над мертвою кошкой, как будто кадил. Всё это потихоньку, в величайшей тайне»

(14; 114). Кошки и в этом случае оказываются невольными жертвами — на этот раз жертвами всеми презираемого сироты, не знавшего ни любви, ни ласки, воспитанного посредством пощечин, оплеух, пинков и розог. Скука, тоска, одиночество и, быть может, врожденная жестокость, требующая выхода, — все это побуждает к насилию над слабыми существами. Пойманный однажды за постыдным занятием, мальчик был больно наказан, ушел в угол и косился оттуда с неделю.

Кажется, однако, не само убийство движет угрюмым сиротой — будь он банальным извергом, так и довольствовался бы только убийством (видимо, имел дело все больше с котятками, иначе большая и сильная кошка не так просто дала бы себя повесить, расцарапала бы и искусала в кровь и лицо, и руки). Его возбуждает церемония похорон, в которой он отводит себе роль священника; его волнует обряд — с ризой, кадилом, пением. Хочет видеть себя вершителем судеб, пусть всего лишь кошачьих; изобретает роль первого плана, отдается абсурду кощунственного священнодействия.

Необходимо заметить, что в мире Достоевского обидчики кошек не остаются безнаказанными. Обиженная кошка, как и человек, чувствует боль, страх, одиночество, стресс, депрессию и горе. Эти ее чувства не проходят бесследно — они идут по пятам за обидчиком. Даже если пушистые и когтистые умирают насильственной смертью, их боль не исчезает. Волна боли рано или поздно догонит убийцу и отомстит ему. Извращенное детское пристрастие Смердякова («очень любил вешать кошек») даром ему не пройдет — соорудить петлю и повиснуть в ней придется ему самому.

Новому Гарпагону мучительная голодная смерть кошки Маши тоже не простится. Ему придется умереть в лохмотьях, посреди отвратительной нищеты — он не успеет ни свистнуть, ни крикнуть, ни позвать на помощь. К нему никто так и не приползет, обольщенный блеском золота, никто не станет перед ним пресмыкаться; его богатство останется лежать в грязных и вонючих тряпках. Мечты обманут, над тайной надругаются, тело отправят на вскрытие — чтобы убедиться, что покойник был таки сумасшедший. Про таких говорят: собаке — собачья смерть.

3

Достоевский чувствовал кошек так тонко и так хорошо знал все особенности кошачьей (или, как он говорил, кошечьей) натуры, что смело использовал их для сравнений с человеческим поведением. В его сочинениях можно увидеть практически все известные фразеологизмы на тему кошек. Один из самых известных — о кошачьей влюбленности. Выражение «влюблен, как кошка» говорит о жарком влечении, о безоглядной страсти. Всем окружающим такая страсть бросается в глаза, но сам влюбленный о себе так никогда не скажет. Влюбленный без памяти кот, увидев через стекло предмет своей пламенной любви, способен протаранить закрытое окно, поранить лапы, ободрать шерсть и, не чувствуя боли, прыгнуть к возлюбленной.

В романах Достоевского подобную влюбленность испытывают только герои-мужчины. Их всего лишь четверо. Чувство Егора Ильича Ростанева удостоено высшей оценки — его влюбленность самого высокого качества. «А что дядюшка ваш влюблен, как *сибирский кот*, так в этом я вас заверяю» (3; 28; курсив мой. — Л.С.), — говорит Степан Алексеевич Бахчеев ростаневскому племяннику. Сибирские коты — это Коты Котофеевичи, персонажи народных сказок, национальное достояние России. Они обладают отменным охотничьим инстинктом, используют его умело и тактично, полны самоуважения и внутреннего достоинства. Это прекрасные и заботливые родители, способные жить семейно, с одной кошкой, и чувствуют себя много счастливее в моногамной паре. Брак влюбленного, как сибирский кот, Егора Ильича Ростанева, сулит ему взаимную любовь, прочное семейное счастье и супружескую верность жены.

Про влюбленного, как кошка, мужчину (мартовского кота), в народе восторженно говорят: «Хорошему коту и в декабре — март».

Парфен Рогожин сообщает князю Мышкину со слов Настасьи Филипповны: «Божилась мне, вчера и сегодня божилась, что ты в Аглаю Епанчину как кошка влюблен. Мне это, князь, всё равно, да и дело оно не мое: если ты ее разлюбил, так она еще не разлюбила тебя. Ты ведь знаешь, что она тебя с тою непременно повенчать хочет, слово такое дала, хе-хе! Говорит мне: “без ефтого за тебя не выйду, они в церковь, и мы в церковь”. Что тут такое, я понять не могу и ни разу не понимал: или любит тебя без предела, или... коли любит, так как же с другою тебя венчать хочет? Говорит: “Хочу его счастливым видеть”, — значит, стало быть, любит» (8; 304).

Распутать узел любви и ненависти, затянутый вокруг судеб героев «Идиота», которым не суждено составить две счастливые пары, так и не удастся: ревнивое, воспаленное слово Настасьи Филипповны, которая божится Рогожину, что Мышкин как кошка влюблен в Аглаю, имеет иной подтекст и иное целевое назначение. Выражение «влюблен как кошка» здесь играет роль маски, которая плохо надета и отстает от лица.

«— Проиграете! — захохотал Липутин, — влюблен, влюблен как кошка, а знаете ли, что началось ведь с ненависти. Он до того сперва возненавидел Лизавету Николаевну за то, что она ездит верхом, что чуть не ругал ее вслух на улице; да и ругал же! Еще третьего дня выругал, когда она проезжала; — к счастью не расслышала, и вдруг сегодня стихи! Знаете ли, что он хочет рискнуть предложением? Серьезно, серьезно!

— Я вам удивляюсь, Липутин, везде-то вы вот, где только этакая дрянь заведется, везде-то вы тут руководите! — проговорил я в ярости.

— Однако же, вы далеко заходите, господин Г—в; не сердчишко ли у нас ёкнуло, испугавшись соперника, — а?» (10; 96).

Здесь выражение «влюблен как кошка» используется в насмешку, с грязноватой оглядкой, ради мелкой мстительной сплетни: интриган Липутин

просто дразнит хроникера Г-ва, которому, как и многим в городе, нравится красавица Лиза Тушина.

И, наконец, «Братья Карамазовы». «Слушай дальше: Митеньке теперь пересекает дорогу старикашка-отец. Ведь тот по Грушеньке с ума вдруг сошел, ведь у него слюна бежит, когда на нее глядит только. Ведь это он только из-за нее одной в келье сейчас скандал такой сделал, за то только, что Миусов ее беспутною тварью назвать осмелился. *Влюбился хуже кошки*. Прежде она ему тут только по делишкам каким-то темным да кабачным на жалованье прислуживала, а теперь вдруг догадался и разглядел, остервенился, с предложениями лезет, не с честными конечно. Ну и столкнутся же они, папенька с сыночком, на этой дорожке. А Грушенька ни тому ни другому; пока еще виляет да обоих дразнит, высматривает, который выгоднее...» (14; 75).

Злобный сквернослов семинарист-карьерист Ракитин, готовый запачкать грязным словом любого встречного, в нарочито грубой и оскорбительной манере описывает соперничество отца и сына; выражение «влюбился хуже кошки» призвано убить образ сладострастной стариковской любви, смешать влюбленного папеньку Федора Павловича Карамазова с грязью.

4

Сравнение кошки и мыши — наиболее частое у Достоевского, когда нужно изобразить суть человеческих отношений, характер поединка, принцип доминирования.

«Чужая жена...»: «Иван Андреевич, превратившийся из разъяренного тигра в ягненка, оробев и присмирив, как мышонок перед котом, едва смел дышать от испуга, хотя и мог бы знать, по собственному опыту, что не все оскорбленные мужья кусаются» (2; 66).

«Село Степанчиково...»: «Тянуть жилы была потребность Фомы. Он заигрывал с своей жертвой, как кошка с мышкой» (3; 67).

«Униженные и оскорбленные»: Иван Петровича аттестует старшего князя Валковского. «Он наслаждался своими насмешками надо мною; он играл со мной, как кошка с мышью, предполагая, что я весь в его власти» (3; 358).

«Преступление и наказание»: Раскольников разгневан поведением Порфирия Петровича. «Стало быть, уж и скрывать не хотят, что следят за мной, как стая собак! Так откровенно в рожу и плюют! — дрожал он от бешенства. — Ну, бейте прямо, а не играйте, как кошка с мышью. Это ведь невежливо, Порфирий Петрович, ведь я еще, может быть, не позволю-с!...» (6; 195).

И снова: «Урок хорош! — думал он, холодея. — Это даже уж и не кошка с мышью, как вчера было. И не силу же он свою мне бесполезно выказывает и... подсказывает: он гораздо умнее для этого! Тут цель другая, какая же? Эй, вздор, брат, пугаешь ты меня и хитришь! Нет у тебя доказательств, и не существует вчерашний человек! А ты просто с толку сбить хочешь...» (6; 262).

Вполне обычен контекст выражения «как кошка с собакой», употребляемый как синоним неуживчивости: «Когда дела нет, настоящего,

серьезного дела, тогда деятели живут как кошки с собаками и начинают между собою разные дразги за принципы и убеждения» (19; 57).

Бесшумная кошачья походка — предмет особого интереса Достоевского-художника. Речь идет, по умолчанию, о молодых кошках — только их походка неслышна и бесшумна. С возрастом кошки начинают загребать лапами, стучать когтями и походка из бесшумной превращается в слегка шаркающую.

Но следователь Порфирий Петрович подходит к Раскольникову, как тому кажется, «тихонько, как кошка»: «Я ничего не слыхал? Неужели подслушивал?» (6: 342). А ведь прежде, перед тем, как идти на «дело», это он сам, Родион Романович, успел освоить кошачью походку. «Он бросился к двери, прислушался, схватил шляпу и стал сходить вниз свои тринадцать ступеней, осторожно, неслышно, как кошка. Предстояло самое важное дело — украсть из кухни топор» (6; 57). И еще раньше, скрываясь от докучливой хозяйки, Раскольников пытается овладеть спасительной походкой: «Остановившись на лестнице, слушать всякий взор про всю эту обыденную дребедень, до которой ему нет никакого дела, все эти пристаивания о платеже, угрозы, жалобы, и при этом самому изворачиваться, извиняться, лгать, — нет уж, лучше проскользнуть как-нибудь кошкой по лестнице и улизнуть, чтобы никто не видал» (6; 5–6).

Весьма экспрессивно и сочно звучит в устах Лизаветы Прокофьевны Епанчиной выражение «угорелая кошка». Здесь уже речь идет не о плавной бесшумной походке — ведь угорелая кошка бестолково мечется, бегаёт взад и вперед, вроде бы убегая от опасности, а на самом деле приближаясь к ней. Именно это тревожное, почти истерическое состояние испытывает Лизавета Прокофьевна, «в припадке необычайного волнения и нетерпения» зазвавшая князя Мышкина к себе в дом. «Зачем, зачем я к нему, как угорелая кошка, теперь прибежала, и сама же его сюда притащила? Господи, с ума я сошла, что я теперь наделала! С молодым человеком про секреты дочери говорить, да еще... да еще про такие секреты, которые чуть не самого его касаются! Господи, хорошо еще, что он идиот и... и... друг дома!» (8; 274).

Коты и кошки могут принимать чрезвычайно жалкий, страдальческий вид. Достоевский использовал два прискорбных обстоятельства из жизни обиженных кошек. Коты, а особенно котята, как и любые живые существа, страшатся подвоха и насилия. Люди тоже. «Сердчишко во мне билось, как у котенка, когда его хватает чья-нибудь костлявая лапа за шиворот» (2: 8), — рассказывает «всесветный шут» Осип Михайлович Ползунков историю о том, как он едва не женился и как подло был обманут своим фальшивым благодетелем, так что костлявая лапа таки схватила незадачливого жениха за шиворот — едва ноги унес.

Чуть легче переживает свои напасти мокрый котенок. «Несчастный господин Голядкин-старший бросил свой последний взгляд на всех и на всё и, дрожа, как котенок, которого окатили холодной водой, — если позволят сравнение, — влез в карету; за ним тотчас же сел и Крестьян Иванович» (1; 229). «Мокрый кот» встретится читателю и в «Дядюшкином сне» — именно так

выглядит ветхий князь К., которого алчные дамы города Мордасова хотят одурачить и ограбить, а он на все их эскапады (в которых ничего не понимает) отвечает: «Ну да! ну да!» (2; 329).

Ну, любят, любят герои Достоевского кошачьи сравнения. В романе «Игрок» Алексей Иванович вполне мог бы сказать о генерале, проигравшем в казино тысячу двести франков, что его мучит совесть, что у него душа не на месте — ноет и болит, что он принимает свой проигрыш близко к сердцу, печалится и тревожится. Однако он говорит: «Я убежден, что кошки у него скребли на сердце, и будь ставка вдвое или втрое больше — он не выдержал бы характера и выказал бы волнение... Настоящий джентльмен, если бы проиграл и всё свое состояние, не должен волноваться. Деньги до того должны быть ниже джентльменства, что почти не стоит об них заботиться» (5; 217).

Какой изящный синоним к слову «бедность» придумал персонаж романа «Униженные и оскорбленные» Филипп Филиппович Маслобоев, рассказывая о своем прошлом! «Я хоть и в саже, да никого не гаже. И в доктора поступал, и в учителя отечественной словесности готовился, и об Гоголе статью написал, и в золотопромышленники хотел, и жениться собирался — жива-душа калачика хочет, и она согласилась, хотя в доме такая благодать, что нечем кошки из избы было выманить» (3; 265).

Как неловко пытается скрыть свое раздражение Петр Верховенский, когда Ставрогин нарочито празднично осведомляется у него о здоровье Юлии Михайловны Лембке. «Какой это у вас у всех, однако, светский прием: вам до ее здоровья всё равно, что до здоровья серой кошки, а между тем спрашиваете. Я это хвалю» (10; 179).

С каким едва сдерживаемым гневом пишет сам Достоевский о жестоком садисте мужике, который забивает свою безответную, кроткую, терпеливую жену до смерти. В другой обстановке эта женщина «могла бы быть какой-нибудь Юлией или Беатриче из Шекспира, Гретхен из Фауста... И вот эту-то Беатриче или Гретхен секут, секут как кошку! Удары сыплются всё чаще, резче, бесчисленнее; он начинает разгорячаться, входит во вкус. Вот уже он озверел совсем и сам с удовольствием это знает. Животные крики страдальцы хмелят его как вино» (21; 21).

Меж тем кошачий характер вовсе не таков, как у этой несчастной русской Беатриче, ибо взрослая, полная достоинства кошка ни за что не стала бы долго терпеть побои садиста-хозяина. Кошка-плутовка сбежала бы или нашла способ проучить негодяя. И вот уже бульдог Фальстаф из «Неточки Незвановой» следует кошачьим хитростям: «Он был лукав, как кошка, и чтоб не показать вида, что заметил оплошность отворявшего дверь, подошел к окну, положил на подоконник свои могучие лапы и начал рассматривать противоположное здание, — словом, вел себя как совершенно посторонний человек, который шел прогуливаться и остановился на минуту полюбоваться прекрасной архитектурой соседнего здания» (2; 214). Как переплелись здесь характеры

бульдога, постороннего человека и кошки, какое восхитительное единство они образуют!

Конечно, кошка — это зверь, а не ангел. Наблюдая поведение героинь Достоевского, обиженные или отвергнутые ими герои с горечью констатируют кошачью сущность коварного слабого пола. «Кошка! Жестокое сердце! А ведь она знает, что я про нее сказал тогда в Мокром, что она “великого гнева” женщина!» (15; 32) — жалуется Митя Алеше на Катерину Ивановну. «Эта женщина зверь» (14; 131), — аттестует Грушеньку Иван Карамазов. «Знает он этот характер, знает эту кошку» (14; 111), — объясняет Митя Карамазов Алеше отношение отца своего, Федора Павловича, к Грушеньке. «Это тигр» (14; 141), — кричит что есть силы Катерина Ивановна в присутствии Алеши про «наглую мерзавку» Грушеньку. «Зачем вы удержали меня, Алексей Федорович, я бы избил ее, избил!.. Ее нужно плетью, на эшафоте, чрез палача, при народе!..» (14; 141).

Однако философически мыслящий Иван Федорович вносит существенную поправку в пользу нравственного преимущества зверей перед людьми. «Выражаются иногда про “зверскую” жестокость человека, но это страшно несправедливо и обидно для зверей: зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток. Тигр просто грызет, рвет, и только это и умеет. Ему и в голову не вошло бы прибивать людей за уши на ночь гвоздями, если б он даже и мог это сделать» (14; 217).

И еще несколько слов на тему человеческой жестокости. «В недавнюю старину, — рассказывается в «Записках из Мертвого дома», — были джентльмены, которым возможность высечь свою жертву доставляла нечто, напоминающее маркиз де Сада и Бренвилье (маркиза Мари Мадлен де Бренвилье, жестокая отравительница XVII века. — Л.С.). Я думаю, что в этом ощущении есть нечто такое, отчего у этих джентльменов замирает сердце, сладко и больно вместе. Есть люди, как тигры жаждущие лизнуть крови. Кто испытал раз эту власть, это безграничное господство над телом, кровью и духом такого же, как сам, человека, так же созданного, брата по закону Христову; кто испытал власть и полную возможность унижить самым высочайшим унижением другое существо, носящее на себе образ Божий, тот уже поневоле как-то делается не властен в своих ощущениях. Тиранство есть привычка; оно одарено развитием, оно развивается, наконец, в болезнь» (4; 154).

Замечу: это исключительно человеческая болезнь.

5

А кошки — они живут, повинуюсь мгновению: царапаются, кусаются, ласкаются, играют, сонно жмурятся. Как часто на них похожи иные дамы, особенно если попадают в особые обстоятельства. Вот героиня «Игрока» девица Бланш, она же Зельма́, в пух и прах проигравшаяся в казино. «Mademoiselle Зельма́... была в последней степени отчаяния. Она выла и визжала на весь отель и разорвала в бешенстве свое платье. Тут же в отеле стоял один польский граф... и mademoiselle Зельма́, разрывавшая свои платья и

царапавшая, как кошка, свое лицо своими прекрасными, вымытыми в духах руками, произвела на него некоторое впечатление» (5; 247).

А вот Грушенька, тигр и зверь, как-то раз внезапно странно подобрела. «Пустишь меня, Алеша, на колени к себе посидеть, вот так! — И вдруг она мигом привскочила и прыгнула смеясь ему на колени, как ласкающаяся кошечка, нежно правой рукой охватив ему шею: — Развеселю я тебя, мальчик ты мой богомольный! Нет, в самом деле, неужто позволишь мне на коленках у тебя посидеть, не осердишься? Прикажешь — я соскочу» (14; 315). Вот и Марья Тимофеевна Лебядкина под мелодию ласкового мурлыканья мечтает о любви, о своем тайном супруге — князе и ясном соколе: «Знаешь, Шатушка, я сон какой видела: приходит он опять ко мне, манит меня, выкликает: “Кошечка, говорит, моя, кошечка, выйди ко мне!” Вот я “кошечке”-то пуще всего и обрадовалась: любит, думаю» (10; 117).

А с каким умилительным сладострастием мечтает о невинной юной девице «вечный муж» Павел Павлович Трусозкий. «Дело для меня не столько в красоте лица, сколько в этом-с. Хихикают там с подружкой в уголку, и как смеются, и боже мой! А чему-с: весь-то смех из того, что кошечка с комода на постельку соскочила и клубочком свернулась... Так тут ведь свежим яблочком пахнет-с!» (9; 69–70).

«Кошечка» и «котеночек» — привычные ласковые слова в лексиконе иных незамысловатых персонажей. Лучше, конечно, когда греющий душу образ имеет светлый окрас. «Да и примадонна-то, — рассказывает друзьям герой рассказа «Чужая жена...» Иван Андреевич, любящий всхрапнуть часок-другой в Итальянской опере, — тебе мяукает, словно беленькая кошечка, колыбельную песенку» (2; 61). Но в случае, если кошка черная, тут уже не до ласки и влюбленной мечты. Тут ссора, размолвка, разлука. «Старая петля! всегда на пути моем, всегда черной кошкой норовит перебежать человеку дорогу, всегда-то поперек да в пику человеку; человеку-то в пику да поперек...» (1; 151), — страдает Яков Петрович Голядкин, подозревая своего непосредственного начальника в самых дурных и коварных намерениях.

«Черной кошкой» станет для сына и его невесты Натальи Ихменевои старший князь Валковский. «Теперь он прошел между нами и нарушил весь наш мир, на всю жизнь. Ты всегда в меня верил больше, чем во всех; теперь же он влил в твое сердце подозрение против меня, недоверие, ты винишь меня, он взял у меня половину твоего сердца. Черная *кошка* пробежала между нами.

— Не говори так, Наташа. Зачем ты говоришь: “черная кошка”? — Он огорчился выражением.

— Он фальшивую доброту, ложным великодушием привлек тебя к себе, — продолжала Наташа, — и теперь всё больше и больше будет восстанавливать тебя против меня» (3; 320).

В том, что черная кошка предвещает беду, не сомневалась и А.Г. Достоевская. Она записывала в дневнике: «Видела я во сне, — оттого даже проснулась, черную кошку, которая мяукала и которая будто бы стояла около

меня, да видела так ясно, что просто ужас. “Ну, это дурная примета, — подумала я, — вероятно он все проиграл, и вероятно я получу от него просительное письмо о высылке денег»⁴.

Он — в записи от 5/17 ноября 1867 года — это, конечно же, Ф.М. Достоевский, находившийся в тот момент в швейцарском курортном городе Саксон ле Бэне, никогда не сулившем писателю-игроку ничего хорошего. Осень 1867 года — разгар его игорного безумия. В тот самый день, когда черная кошка привиделась Анне Григорьевне во сне, он пишет ей: «Ах, голубчик, не надо меня и пускать к рулетке! Как только прикоснулся — сердце замирает, руки-ноги дрожат и холодеют» (28/2; 234). Он обещает играть благоразумнейшим образом и с выигрыша непременно выслать денег. Но на следующий день происходит развязка: проиграны все деньги, заложены зимнее пальто и обручальное кольцо, вырученные за них деньги тоже брошены на рулетку. 6/18 ноября, как и предвидела жена, Ф.М. сообщит ей: «Аня, милая, бесценная моя, я всё проиграл, всё, всё!» (28/2; 235). И, конечно, попросит денег на дорогу. Не зря мяукала черная кошка из страшного сна — дурное предчувствие А.Г. Достоевской сбылось буквально и в точно ожидаемый срок.

6

...Как это ни прискорбно, но в человеке, даже самом смирном, живет бесчувственный потребитель, который не погнушается в ином случае пустить кошку на воротник. Такой именно случай представился смиреннейшему бедняку из «Петербургских сновидений»: «У него всего имущества было только шинель, как у Акакия Акакиевича, с воротником из кошки, “которую, впрочем, всегда можно было принять за куницу”. Я даже подозреваю, что будь у него кошка, которую нельзя было принять за куницу, то он, может, и не решился бы жениться, а еще подождал» (19; 70).

В Библии есть слова: «Не положу пред очами моими вещи непотребной» (Псалом 100: 3). Синонимом непотребства, безобразия, кощунства всегда считалось непогребенное тело умершей кошки, валяющееся где попало или подброшенное кому-то в злых целях. В «Бесах» некая убогая вдовица в числе прочих посетителей приходит к юродивому Семену Яковлевичу с жалобой на детей своих и долго стоит в ожидании благодати. При прошлом визите к юродивому ей велено было усладить сердце свое добротой и милостью, а только потом приходиться жаловаться. Но не тут-то было — вдова ослушалась и взбунтовалась. «Да что ты, батюшка, — озлилась вдруг вдовица, — да они меня на аркане в огонь тащили, когда у Верхишиных загорелось. Они мне мертвую кошку в укладку заперли, то-есть всякое-то бесчинство готовы» (10; 258).

С давних пор известны детские считалки-молчанки. «Ехали цыгане, кошку потеряли. / Кошка сдохла, хвост облез, / Кто промолвит, тот и съест. / А кто засмеется, / Тот ее крови напьется». Очевидно, однако, что в невинной на первый взгляд считалке-молчанке содержится страшилка, угроза, запрет на действие. Дохлая и непогребенная кошка должна вызывать ужас, отвращение, как впрочем, и любое мертвое тело, не преданное земле. Достоевский

пользуется сравнением-страшилкой, подчеркивая самую высокую степень безобразия и непотребства. «Что было под подошвами, — рассказывает о своих невзгодах убогий мытарь Родиоша из «Текущей жизни», — и с частью собственных подошв, — всё осталось на шоссе; рубашка на мне — это была не рубашка, а какая-то дохлая кошка. Перемениться нечем» (27; 171).

Картина «Партия арестантов на привале» художника В.И. Якоби, описанная Достоевским в статье «Выставка в Академии художеств за 1860–1861 год», поразила писателя одним общим выражением изображенных на картине лиц — их тупым, неподвижным равнодушием. Именно этот отпечаток — непобедимой, безучастной черствости — заметил он и на лицах арестантов, и на лицах охранников. И вот самый сильный акцент: «Возле той же телеги стоит этапный офицер. Он одною рукою открывает один глаз покойника, чтоб убедиться, вероятно, в его смерти. Открывается мертвый большой глаз, с подвернутым книзу зрачком. Офицер, очень равнодушно покуривая трубку, спокойно смотрит на поблекший глаз, и на черством лице его не выражается ровно ничего: ни участия, ни сострадания, ни удивления, совершенно ничего, так, как если бы он смотрел на дохлую кошку или на придорожную трясохвостку. Он даже гораздо больше занят своей трубкой, чем покойником, которому в глаз заглянул только мимоходом» (19; 152).

Но как же славно вспомнить остроумные пословицы и поговорки, где присутствуют коты и кошки! Вот прелестный диалог двух арестантов в «Записках из Мертвого дома»: «— Значит, ты богатый, коли сложа руки сидеть хочешь? — Богат Ерошка, есть собака да кошка» (4; 200). Выражение было записано Достоевским в Омском остроге в «Тетрадке каторжной» под номером 464 и позже точно в таком же виде переключалось в «Мертвый дом». Аналог пословицы находим у В. Даля: «Богат Мирошка, а животов — собака да кошка»⁵. В «Тетрадке каторжной» под номером 373 была записана еще одна редкая кошачья поговорка: «Где та мышь, чтоб коту звонок привесила?» Выражение, видимо, так нравилось Достоевскому, что он употребил его дважды — один раз в «Селе Степанчикове» (3; 35), второй раз — в «Записках из Мертвого дома» (4; 206). Где та смелая и ловкая мышь, что сможет навесить на кота колокольчик, который будет предупреждать мышью о приближении кота? В обоих случаях об этом размышляют мужики-простолюдины: арестанты — о тюремном начальстве, мирные крестьяне — о тиране Фоме Фомиче Опискине.

В статье «Жестокий талант» один из самых взыскательных критиков Достоевского Н.К. Михайловский сердито упрекал писателя в неумении изящно и легко шутить. «Шутка решительно не удавалась Достоевскому. Он был для нее именно слишком жесток, или, если кому это выражение не нравится, в его таланте преобладала трагическая нота. Шуточные вещи он пробовал писать не раз. Но или шутил над тем, что ни в каком смысле шутки не заслуживает («Двойник»), или же шутка напоминала — да позволено мне будет это сравнение — кошачью игру: кошка совершенно незаметно раздражается

процессом игры и переходит с него на действительное, злобное царапанье и кусанье. Разница, однако, в том, что Достоевскому не доставало грации кошки: он сплошь и рядом вводил в свои шутки грубейшие и отнюдь не грациозные эффекты (“Дядюшкин сон”, “Крокодил” и др.). “Чужая жена и муж под кроватью” — “происшествие необыкновенное” — принадлежит именно к разряду этих грубых и вовсе не грациозных шуток»⁶.

Серьезное обвинение. Но откуда все-таки взялось остроумное сравнение писательской манеры Достоевского с кошачьей игрой?

Вспомним: «В нашем детстве, я думаю, мы все любили играть с котятками. Если привязать бумажку к ниточке и дергать ее перед котенком, он начинает ловить ее. Потом раздражается, увлекается игрой и наконец совершенно принимает ее за настоящую мышь, ловит ее, грызет, теребит лапками» (20; 42).

Неужели это яркое кошачье сравнение Михайловский подглядел... у Достоевского?

Художественная игра, которая, в увлечение, на манер кошачьей, превращается «в настоящую мышь», несомненно, ждет своего внимательного, заинтересованного исследователя.

- ¹ См.: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 28/2. 1985. С. 120. Далее все цитаты из сочинений и писем Ф.Д. Достоевского приводятся по этому изданию; в тексте указаны том и страницы.
- ² *Достоевская А.Г.* Дневник 1867 года. М.: Наука, 1993. С. 323.
- ³ Там же. С. 242. Курсив мой. — *Л.С.*
- ⁴ Там же. С. 375.
- ⁵ Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: Гослитиздат, 1957. С. 90.
- ⁶ *Михайловский Н.К.* Жестокий талант // Ф.М. Достоевский в русской критике. М.: ГИХЛ, 1956. С. 347.